

Семенова Анастасия Владимировна

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В ПОЭМЕ М. М. ХЕРАСКОВА "ВЛАДИМИР"

Предметом статьи является дискуссия о вере в поэме "Владимир". Херасков устами нескольких персонажей проясняет некоторые аспекты христианского вероучения, отстаивает преимущества христианского закона, приводит и опровергает аргументы противников христианства. Выделяется в поэме эпизод выбора вер, отчасти повторяющий соответствующий фрагмент "Повести временных лет", но с дополнениями Хераскова, а также прения богатыря-язычника Рогдая и христианина Стенара. Прения о вере в поэме частично обусловлены влиянием исторических источников и отвечают задаче автора: обосновать необходимость крещения Владимира, а затем Руси.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 31-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Нейман Б. В.** Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1914. 148 с.
6. **Пушкин А. С.** Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 6. С. 1-205.
7. **Федоров А. В.** Лермонтов и литература его времени. Л.: Худож. лит., 1967. 364 с.

**THE PROTAGONIST OF M. YU. LERMONTOV'S POEM
"THE TAMBOV TREASURER'S WIFE" AND PUSHKIN'S TRADITION**

Ronkina Natal'ya Mikhailovna

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natalia.ronkina@mail.ru*

The article analyzes Pushkin's tradition in depicting the protagonist of M. Yu. Lermontov's ironic poem "The Tambov Treasurer's Wife", during the creation of which the poet was at the stage of searching for his hero. The results of this search are embodied in the image of Garin. At the same time, Lermontov sometimes proceeded openly from Pushkin's experience, prompting the reader to compare his character with the character of Pushkin's "Eugene Onegin", and sometimes, implementing the principle of Pushkin formally, destroyed essentially it from within, while simultaneously filling it with his own content. Some of the discoveries made by Lermontov in "The Tambov Treasurer's Wife" will subsequently be rethought and represented in "A Hero of Our Time".

Key words and phrases: M. Yu. Lermontov; "The Tambov Treasurer's Wife"; Garin; "Eugene Onegin"; contradiction principle; multiple point of view.

УДК 82-13

Предметом статьи является дискуссия о вере в поэме «Владимир». Херасков устами нескольких персонажей проясняет некоторые аспекты христианского вероучения, отстаивает преимущества христианского закона, приводит и опровергает аргументы противников христианства. Выделяется в поэме эпизод выбора вер, отчасти повторяющий соответствующий фрагмент «Повести временных лет», но с дополнениями Хераскова, а также прения богатыря-язычника Рогдая и христианина Стенара. Прения о вере в поэме частично обусловлены влиянием исторических источников и отвечают задаче автора: обосновать необходимость крещения Владимира, а затем Руси.

Ключевые слова и фразы: М. М. Херасков; «Владимир»; крещение Руси; прения о вере; христиане; язычники; эпическая поэма.

Семенова Анастасия Владимировна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в Казахстане, г. Астана
anastasia_semenova@list.ru*

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В ПОЭМЕ М. М. ХЕРАСКОВА «ВЛАДИМИР»

Христианство, как любая религия, всегда имело противников. Во времена князя Владимира язычники противодействовали крещению Руси, отстаивая старую веру. Этот исторический сюжет лег в основу второй широко известной поэмы М. М. Хераскова «Владимир» (1985)¹, закрепившей за поэтом славу «песнопевца России». Херасков, оставаясь верным исторической тематике, обращает взор на более ранний период российской истории, нежели в «Россиаде», – правление князя Владимира I Святославича. Апология христианства в поэме, рассказывающей о событиях, подтолкнувших киевского князя к крещению, была бы односторонней, не приведи автор аргументы против новой веры и соответствующих контраргументов. Херасков вносит в произведение элементы религиозно-философской дискуссии, что дает ему возможность устами героев отражать выпады против христианства, тем самым укрепляя позиции последнего. Кроме того, прения о вере составляют эпизод выбора новой религии в IV песни поэмы. Спор христиан и язычников разворачивается в X, XI, XVII, XVIII песнях.

«Владимир» не является традиционной героической поэмой, в Предуведомлении Херасков предупреждает о том, что произведение следует «читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретається он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения,

¹ Впервые поэма «Владимир возрожденный» опубликована в 1785 году [20]. В 1786 году «Владимир» вошел во второй том «Эпических творений» Хераскова с сокращенным заглавием [18]. Третье (второе отдельное) издание вышло в 1787 году [22]. Четвертая редакция поэмы вошла в состав «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных», часть II [21], пятая вышла в составе переизданных «Творений Хераскова», печатавшихся с 1807 по 1812 годы в Москве уже после смерти поэта [17]. В 1820 году также в типографии Московского университета А. С. Ширяев переиздает «Эпические творения» Хераскова, возвращаясь к редакции поэмы «Владимир» 1787 года (в шестнадцати песнях; цензором стал А. Ф. Мерзляков) [19]. Во второй половине XX века избранные произведения Хераскова, в том числе «Владимир», были переизданы [23]. Последняя публикация поэмы – в книге Н. А. Гранцовой «Чудо о Князе-Крестителе» [2, с. 82-215]. В настоящей работе мы ссылаемся на четвертое, наиболее полное прижизненное издание поэмы [21].

борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды, и достигнув просвещения возрождается» [21, с. VIII]¹. Поэма представляет собой образчик христианской эпопеи, при создании которой автор опирался на христианские источники, круг которых, вероятно, широк, хотя Херасков нечетко обрисовывает его: «Многие духовные книги в моем сочинении мне руководствовали, многое от беседования с целомудренными людьми я заимствовал, многое собственным познал опытом» [Там же, с. IX]. Автор также руководствовался новоевропейскими образцами эпической поэмы, которые ранее служили частичными лекалами для «Россияды». В данном случае Херасков следовал примеру Т. Тассо и Ф.-М. Вольтера, которых упоминает в Предуведомлении [Там же, с. VII-VIII].

Работ, посвященных «Владимиру», немного [1-5; 7; 12; 14; 16; 25-28], ряд аспектов поэмы остается неизученным, в том числе аргументы за и против христианства, приведенные в произведении. Кроме того, в статье поэма Хераскова сопоставлена с наиболее вероятными историческими источниками «Владимира», на которые опирался поэт².

Поборники язычества в поэме Хераскова – приближенные Владимира, в том числе Добрыня, Клосар (или Колосар – в тексте встречаются оба варианта) и Кифар, а также жрецы, прежде всего Пламид, и олицетворения сил зла – противостоят христианам и представителям иных конфессий, убеждающим Владимира отказаться от старой веры в пользу новой. Особая роль в произведении отведена богатырю Рогдаю, который отрицает христианское мировоззрение и ставит под сомнение духовные ценности. Главным оппонентом богатыря становится новообращенный христианин Стенар. На протяжении поэмы Владимир, с одной стороны, является объектом убеждения как сторонников, так и противников христианства, с другой, – князь принимает участие в дискуссии и чаще склоняется к позиции христиан. В последних песнях поэмы с Рогдаем, Зломиром и аллегорическим персонажем – Фанатизмом – спорит сам Владимир.

Намерение Владимира перейти в другую веру настораживает его окружение. Боги славянского пантеона близки и понятны людям, они требуют жертв, но воздают за них ощутимыми благами – об этом Владимиру в IV песни напоминает боярин Клосар. Иные веры зиждутся на вымыслах или склонностях других народов, «а в разумах людских все веры мрачны суть» [21, с. 65]. Чужие боги равно непостижимы, пусть и почтенны, ни к чему менять своих кумиров, народ ценит давние предания и не откажется от них без борьбы:

*К чужим богам народ опасно обратить,
Привыкший ко своим, чуждого не постигнет;
А принуждение мятеж и бунт воздвигнет.
При вере той, о Князь! останься наконец,
Котороу почитал твой предок, твой отец* [Там же].

Приверженность людей языческим богам, чуждость новой веры и угроза мятежа – весомый аргумент против христианства. Однако Владимир настаивает на том, что людям трудно принять иные веры вследствие неведения, в действительности ни одна из них не требует молиться «древу мертву» или проливать человеческую кровь на алтарях, что говорит в их пользу. Ранее (в I песни) старый варяг-христианин указал Владимиру на то, что славяне молятся не истинному Богу – творцу вселенной, а бездушным идолам, созданным руками людей:

*Ты в деле рук своих величишь Божество,
Не идолы тебе, ты дал им существо.
И для того что тлен и тварей обожашь,
Во тленах жизнь свою, во мраках погружаешь* [Там же, с. 6].

Гибель варягов заставляет Владимира пересмотреть отношение к традиции жертвоприношений и поклонения кумирам:

*Не темны веры суть, но непонятны нам;
Не нудит ни одна молиться древу мертву,
Ни человеческой не хочет крови в жертву* [Там же, с. 65].

Важное место в поэме занимает эпизод выбора вер: представители нескольких конфессий предлагают киевскому князю признать их законы. Владимир должен определить, чье вероучение лучше и сможет заменить язычество [Там же, с. 57]. Рассказ о выборе вер и спорах Владимира с магометанами, иудеями и католиками воспроизведен в поэме на основании исторических источников. «Повесть временных лет» и историки свидетельствуют о дискуссии киевского князя с миссионерами по поводу исповедуемых ими вер в 986 году [8, с. 107-108; 11, с. 39-40; 15, с. 64-65; 24, с. 253-254], посланцы в поэме Хераскова приводят те же аргументы, хотя некоторые детали автор меняет. Наиболее точно передан в произведении диалог с хазарами, Херасков не дополнял его подробностями, ограничившись переложением краткого отрывка летописи стихами, сохраняя его содержание. Беседа киевлян с магометанами и латинцами в поэме требует оговорки. Прежде всего, в дискуссии принимают участие приближенные Владимира – Кифар и Добрыня, которые спорят с миссионерами, хотя летопись говорит только о возражениях князя. К тому же Кифар – персонаж вымышленный, среди

¹ Здесь и далее цитаты приведены в упрощенной орфографии.

² Исследователи в первую очередь называют «Повесть временных лет» [25, с. 100]. Можно также указать на другие источники Хераскова: труды по истории России В. Н. Татищева [15], М. В. Ломоносова [8], М. М. Щербатова [24], Екатерины II [6].

советников Владимира на самом деле мог быть только Добрыня, упоминаемый в летописи [11, с. 33, 37]. Кроме того, во «Владимире» от магометан в Киев приходит Срацын (этноним в поэме становится именем персонажа), что противоречит источникам – у Татищева упоминаются волжские болгары (бахмуты), соседи славян¹, то же находим у Ломоносова и Щербатова [8, с. 107-108; 15, с. 64-65; 24, с. 253-254]. Херасков, вероятно, отдавал дань европейской эпической традиции, в частности «Освобожденному Иерусалиму» Тассо, где христиане борются с сарацинами. В остальном ислам в поэме вызывает те же возражения, что и в летописи: князь и его приближенные не хотят отказываться от хмельных напитков и свиного мяса (в летописи также оговаривается, что Владимиру неприятно было обрезание, Херасков деликатно опускает эту подробность). В поэме со Срацыном спорит воинственно настроенный Кифар, который затрагивает более сложную проблему – человеческую природу Магомета, о чем молчит летопись и нет упоминаний в иных исторических источниках.

Согласно «Повести временных лет», посланцев папы Владимир, выслушав, отправил вспять, так как их закон прежде уже был отвергнут россиянами [8, с. 107-108; 11, с. 39; 15, с. 64-65; 24, с. 253-254]. Херасков в поэме заостряет внимание на главе римской церкви. По словам посланника, цари подчиняются папе, поскольку он вершит судьбы людей, отправляя их в рай или ад:

*Он жизнью временной и вечной управляет,
Приводить в рай людей, во ад ниспосылает* [21, с. 61]...

В поэме отказ от латинской веры обусловлен нежеланием киевского князя подчиняться папе. Любопытно также, что латинец, говоря о своей вере, называет ее православием:

*Лишь православия тебе недостает,
Сей веры, кая нам от сотворенья света
Пророками была вещаема и пета* [Там же, с. 60]...

Поскольку описываемые события происходили до Великой схизмы, разделение на православие и католицизм подчеркивать в поэме не было необходимости (М. В. Ломоносов, например, этот момент оговаривает [8, с. 108]). Латинец, вероятно, таким образом давал понять, что только римское вероучение исходит от Бога.

Необходимо принимать во внимание, что летописцы, будучи православными монахами, автор поэмы, воспевающий христианство как путь к спасению, и даже главный герой, уже знакомый с христианами, предвзят. Предваряя монологи посланников, Херасков предупреждает читателей об их неискренности и заведомо указывает на слабые места исповедуемых ими вер: коварным и неблагодарным называет отверженный род израильский, дерзнувший распнуть Мессию, осуждает магометан за сластолюбие и плотоугодие [21, с. 53-55], римлян упрекает в том, что они хитры и руководствуются не столько верой, сколько политикой, одновременно отсылая читателей к Вольтеру («Генриаде» – новоевропейскому образчику поэмы):

*Где круг сомкнулся их, гнездилась хитрость тут,
Котору в наши дни политикой зовут;
Она, она крепит и разрушает грады.
О сладостный певец преславной Ганрияды!
Ты пламенным пером изобразил ее,
И ей определил на Тибре житие:
Живою кистию политику представил,
Ко подражанию мне тень одну оставил* [Там же, с. 59-60].

Херасков против смешения политики с религией, потому, вероятно, опускает в поэме политические мотивы Владимира, противопоставляя его католикам. Херасков меняет в поэме местами два события: после прений в Киеве князь, согласно историческим источникам, направил по решению совета вельмож и старейшин ученых мужей в разные страны, чтобы они лучше узнали чужие законы и, вернувшись в Киев, рассказали о них. Посланцы князя подтвердили, что у магометан богослужения неблаголепны и унылы, немцы молятся на непонятном языке, которого никто не понимает, и к тому же папу почитают как бога и во всем ему повинуются, что неприемлемо для русских. Зато в Царьграде по велению правителя Патриарх сам принял послов, все разъяснил, сопровождал в церковь, где сам служил торжественную литургию. Послы, проникнувшись красотой греческих храмов и великолепием службы, поверили, что «там бог с человеком пребывает, и есть вера и служение их богу лучше всех других вер» [8, с. 115; 11, с. 49; 15, с. 69-70; 24, с. 257], в чем попытались уверить князя по возвращении. Владимир, вполне убежденный послами, обратился к дружине с вопросом о крещении, и его поддержали. Эти события летопись относит к 987 году. Херасков в поэме, напротив, сначала оговаривает, что Владимир направил посланников в разные страны, велел испытать чужие веры, а по возвращении оных с миссионерами происходит выбор вер в Киеве.

Выбирая веру, киевский князь в произведении сосредоточен на поиске истины. Ранее получив представление о праведниках и их вере, Владимир находит пороки в посланцах и недочеты в их учениях, чему очень способствует поведение миссионеров, дискредитирующих себя: сарацин нападает на Кифара, латинец пытается подкупить вельмож. Решение Владимира очевидно, отчего прения о конфессиях оказываются дополнительной возможностью сопоставить христианство с «конкурирующими» вероисповеданиями, причем

¹ Согласно Никоновской летописи, в Киев от магометан пришли сарацины: «Придоша Срацыни ко Володимеру, веры хошеши, глаголюще: яко ты князь еси мудр и смыслен, но не веси закона: веруй наш закон, и поклоняйся Бахмитю» [13, с. 68]...

сравнение не в пользу последних. Проповедь Кира, пришедшего в Киев последним из миссионеров, определяет дальнейший ход прений о вере. Преимущества греческой веры явлены вполне отчетливо, далее предметом дискуссии становится христианство.

В X и последующих песнях все чаще на первый план повествования выходит Рогдай. Славный витязь, чьи кумиры – мечи, война и слава, предлагает иную, нежели Кир, точку зрения на христиан. Он предъявляет им ряд вполне обоснованных претензий, причем как обывателям, так и праведникам. Рогдай не оспаривает торжественной красоты греческого богослужения, подтверждает, что христиане славят добродетель, однако все это не более чем поверхностные проявления веры. Пышные службы будоражат воображение, но не трогают сердца. Греки вне храмов – такие же люди, как все остальные, им не чужды раздоры, хитрость и праздность, а святость христиан – только разговоры:

*Как пламень их мольба пред алтарем пылает;
Но никаких следов в сердцах не оставляет...
<...>
Обряды новые им дал их новый Бог,
Но видно, их сердце преобразить не мог;
И если видима какая в Греках разность,
Так хитрость то одна, или беспечна праздность [21, с. 179].*

О коварстве греков свидетельствуют нападения на русские суда и захват пленных, что является нарушением существующего договора и определенно не говорит в пользу христиан. Замечания о хитрости греков встречаются в исторических источниках поэмы в связи с войной Святослава и Цымисихия [8, с. 85; 11, с. 33; 15, с. 51; 24, с. 232], хотя у историков не находим подтверждения ограбления русских кораблей греками.

Рогдаю противостоит Кир. Философ доказывает Владимиру, что христиане вовсе не праздны, как утверждает богатырь, они стремятся к спасению души, презирают мирские сокровища, полны любви к людям, не мстят своим обидчикам, но бескорыстно идут в бой за царя и церковь. Кир рассказывает о пустынноиках, отказывающихся от многих благ, не сетующих на бедность и неустанно возносящих молитвы о ближних. Могут ли праведники, худшим из которых Кир называет себя, быть вредны [21, с. 182]?

Однако истинно верующие христиане, каковые все же встречаются, с этим Рогдай не спорит, еще менее симпатичны богатырю. Герой классического образца, он не может принять того, что христиане удаляются от мира, предаются молитве и бездействию, вместо того чтобы заботиться о благосостоянии страны, защищать ее с мечом в руках в случае необходимости. Рогдай дошел до Египта, но встречал в степях лишь пустынноиков, пренебрегающих законами естества, стремящихся покинуть этот мир. Если все станут вести подобный образ жизни, земля вскоре опустеет:

*Одни пустынноики в глухих степях живут;
Там дети у отцов, обманом похищенны;
Там грады целые стоят опустошенны.
Когда не погашен сей будет к небу жар,
То вскоре весь земной опустошится шар;
Законы естества они пренебрегают,
Не защищаются они, не посягают;
Земля чужда для них, их царство небеса [Там же, с. 179]...*

Спор о праведниках продолжается в XI песни, где Владимир и Рогдай в роще у гробницы встречают пустынноика, в котором узнают Стенара. Юноша не может последовать за князем и дружиной в Херсон, так как теперь, воскреснув и просветившись, он «воин стал Христов», а не Владимиров, и не будет лить кровь людей, в которых видит братьев [Там же, с. 193]. Рогдай возмущен, по его мнению, Стенар – образец греческого монаха-паразита: вместо того чтобы воевать за свою страну, он бездействует в стороне. Рогдай обвиняет отшельника и ему подобных в тунеядстве и эгоизме:

*Они родителей и ближних покидают,
Бегут от них в леса, но труд их поедают,
Изрядный промысл! глад в беспечности тушить,
Пустыни населять, а веси пустошить [Там же].*

Рогдай согласен с самоотречением Стенара, но не с тем, что юноша забывает свой долг перед князем и Отечеством. Уж если он ищет небес, так пусть возьмется за оружие и трудится на благо ближних, борется со злодеями из плоти и крови, а не с теньями в лесу [Там же, с. 194]. Стенар опровергает обвинения Рогдая, поясняя подвиг пустынножительства. Молитва праведника, утверждает Стенар, способна склонить небеса к защите целого царства, что не всегда по силам армии. Пустынноикам дано снискать покровительство Бога для тех, за кого он молится вдали от мира, это не менее, а более важная миссия, чем непосредственное участие в битве или иной труд [Там же, с. 194-195].

Спор Рогдая и Стенара оставляет двойственное впечатление: аргументы религиозного толка сложно оспорить, Стенар являет собой образец праведника, и автор заставляет верить ему, однако, как отмечает Западов, «критический пыл Рогдая гораздо больше запоминается читателю» [7, с. 39].

Очередным поводом для острой дискуссии о вере становится в поэме вопрос о дозволенности плотских радостей или необходимости борьбы с соблазнами. Отказ от удовольствий требует от героев, прежде всего Владимира и его сына Всеволода, проявить мужество и силу воли, в роли искусителей выступают аллегорические персонажи – черная тень, Фанатизм, олицетворенные пороки. Их главный аргумент против христианства, провозглашающего приоритет воздержания и добродетели над вседозволенностью, состоит в том, что человек рождается не для скуки и мук, вкушение многочисленных земных благ скрашивает краткое пребывание людей в этом мире. Искусители внушают киевскому князю и его сыну сомнения в том, что благ Бог, вынуждающий человека обрекать себя на страдания, причем добровольно. Черная тень заставляет Всеволода колебаться, стоит ли продолжать путь к источнику мужества, не позволяя себе поддаться окружающим соблазнам. Владимиру то же речет Фанатизм в облике ангела (персонаж, заимствованный из «Генриады» Вольтера):

*Страдать и мучиться не сделан человек,
Когда б рождался он пить чащу огорченья,
То б жизнь его была цепь тяжкого мученья;
Единый миг родясь прожить на сей земле,
Он должен ли сей миг страдать как в адской мгле?
За что бы мог он быть Создателю обязан,
Когда не награжден сей жизнью, а наказан [21, с. 351]?*

Посмертная награда за праведный образ жизни, обещанная героями-проповедниками, представляется расплывчатой, ненадежной, бездоказательной. Если же переход в христианство необходим, достаточно оставаться благочестивым внешне, не налагая на себя оков. Возлюбить ближнего значит возлюбить в первую очередь себя, ибо кто может быть ближе человеку, чем он сам?

*В оковах мудрецу как прочим быть не нужно,
Довольно, если он благочестив наружно;
Законы ближнего заставили любить,
Кто ближе нас самих во свете должен быть [Там же, с. 352]?*

Прения о добродетели перерастают в XVIII песни поэмы в дискуссию о сущности христианского закона и прикрытии пороков внешней атрибутикой религии. Те же противники новой веры – переодетый Рогдай, Фанатизм, а также Зломир и воплощенные пороки – искажают христианское вероучение, стремясь не допустить просвещения Владимира и подчинить князя себе. Ранее затронутый вопрос о христианстве без веры рассматривается с новой стороны: лицемерие предстает не отрицательной чертой, а разумным компромиссом. Зломир, изображающий мудрого старца, устрашает Владимира требованием от христиан ангельской чистоты, а затем снисходительно дает понять, что существует тайный путь в храм – послушание пастырям, а не закону Божьему. Оказывая должное почтение священникам, Владимир обеспечит себе спасение и посмертное блаженство, непорочность в этом случае перестает быть необходимостью:

*Мы духа чистотой Создателю подобны,
Тебя препровождать к спасению удобны,
И вечное тебе блаженство даровать,
Сокровищницы благ небесных открывать;
Во хижине пастух, Монарх ли на престоле,
Обязан нашей всяк повиноваться воле [Там же, с. 345].*

В завершающей песни поэмы защитником христианства становится сам Владимир. Его последнее испытание перед крещением – суметь противостоять искусителям, доказав понимание закона Божьего и твердость своего намерения перейти в новую веру. Речи Зломира не оказывают на Владимира должного воздействия: князь убежден, что не должен, просветившись, стать рабом. Истинная вера не делает человека своим узником, ибо суть Христова учения – любовь и милосердие:

*...Христов закон людей не тяготит, не мучит,
Он ближнего любить, не ненавидеть учит;
Отколе взяли вы преданья таковы?
Мессия весь любовь, не милосерды вы [Там же, с. 347].*

Прения о вере в поэме последовательны: сначала автор приводит аргументы в пользу того, что язычество необходимо вытеснить верой в единого Бога-творца. Далее герой выбирает религию, отвергая вероисповедания, к которым много претензий, и последующие споры затрагивают непосредственно христианство. Дискуссия христиан и язычников вписана в сюжет поэмы как дополнение христианской проповеди, позволяющее дать ответы на вопросы о сути православного закона и его совместимости с обыденной жизнью людей. Опровергая доводы язычников, христиане в поэме помогают Владимиру преодолеть недоверие к греческой вере, порожденное недопониманием вероучения и распространенными предрассудками. На протяжении поэмы участие князя в прениях становится все более активным: изначально открытый убеждению, колеблющийся князь не готов перенять образ жизни и мировоззрение христиан, однако, сравнивая аргументы защитников и противников новой веры, герой убеждается в правоте христиан, проникается их учением и принимает крещение.

Прения о вере в поэме Хераскова частично основаны на летописных свидетельствах о выборе киевским князем новой религии. Эпизод выбора вер представляет собой свободное переложение соответствующего

фрагмента «Повести временных лет» с некоторыми авторскими дополнениями. Споры христиан и язычников в поэме являются вымыслом, обусловленным задачей автора: Херасков обосновывает необходимость обращения киевского князя, а затем и Руси в христианство, одновременно оспаривая ложную трактовку вероучения. Участниками дискуссии, помимо Владимира, Кира, варягов-мучеников и Добрыни, становятся преимущественно вымышленные персонажи – Рогдай и Стенар, Кифар, Клосар, Пламида, Зломир, а также высшие силы и воплощенные пороки и добродетели.

Список источников

1. **Гончарова О. М.** Смысловое пространство русской культуры: память – традиция – текст: монография. СПб.: РХГИ, 2005. 382 с.
2. **Гранцева Н. А.** Чудо о Князе-Крестителе. СПб.: Журнал «Нева», 2016. 240 с.
3. **Давыдов Г. А.** Религиозно-философские поэмы М. М. Хераскова: дисс. ... к. филол. н. М., 1999. 215 с.
4. **Доланский Ю.** Херасков и Гавличек / пер. Г. А. Лилич // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М. – Л.: Наука, 1966. Сб. 7. XVIII век. С. 213-219.
5. **Доланский Ю.** Херасков и Линда // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. Сб. 10. XVIII век. С. 135-142.
6. **Екатерина II (Романова).** Записки касательно российской истории: в 2-х ч. СПб.: Императорская типография, 1787. Ч. 1. 416 с.
7. **Западов А. В.** Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избранные произведения. М. – Л.: Советский писатель, 1961. С. 5-56.
8. **Ломоносов М. В.** Древняя Российская история. СПб.: Императорская Академия наук, 1766. Ч. 1-2. 140 с.
9. **Любжин А. И.** Христианские источники «Россиады» М. М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 4. С. 86-95.
10. **Повесть временных лет** / пер. Д. С. Лихачёва и О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
11. **Повесть временных лет** / подг. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
12. **Приказчикова Е. Е.** Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова «Владимир Возрожденный» // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007. Вып. 2. Эволюция форм художественного сознания в русской литературе. С. 49-71.
13. **Русская летопись по Никонову списку** / под ред. А. Шлецера. СПб.: Императорская Академия наук, 1767. Ч. 1. 198 с.
14. **Соколов А. Н.** Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1955. 692 с.
15. **Татищев В. Н.** История российская с самых древнейших времен. М.: Императорский Московский университет, 1773. Т. 2. 536 с.
16. **Федотова Л. Л.** Русская национальная идея в героическом эпосе М. М. Хераскова: дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 181 с.
17. **Херасков М. М.** Владимир // Творения Хераскова. М.: Типография Пономарева, 1809. Т. II. С. 1-294.
18. **Херасков М. М.** Владимир // Эпические творения М. Хераскова. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1786. Т. 2. С. 1-244.
19. **Херасков М. М.** Владимир // Эпические творения М. М. Хераскова. М.: Унив. типография, 1820. Т. II. С. 1-264.
20. **Херасков М. М.** Владимир возрожденный, эпическая поэма. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1785. 245 с.
21. **Херасков М. М.** Владимир, поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. Ч. 2. С. VII-IX, 1-361.
22. **Херасков М. М.** Владимир, эпическая поэма М. Хераскова. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1787. 264 с.
23. **Херасков М. М.** Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. Л.: Советский писатель, 1961. 410 с.
24. **Щербатов М. М.** История Российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1770-1791. Т. 1. 325 с.
25. **Drozdek A.** Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche. 2013. № 11 (57). S. 89-113.
26. **Orlowska A.** Миф России в творчестве Михаила Хераскова (поэма «Владимир») // Slavica. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis. Debrecen, 1997. Т. XXVIII. S. 27-33.
27. **Orlowska A.** Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowiaskich. Krakow: Universitas, 1998. S. 143-181.
28. **Orlowska A.** Poemat klasycystyczny Michala Chieraskowa. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1987. 146 s.

DISCUSSION OF FAITH IN M. M. KHERASKOV'S POEM "VLADIMIR"

Semenova Anastasiya Vladimirovna

*Lomonosov Moscow State University (Branch) in Astana, Kazakhstan
anastasia_semenova@list.ru*

The subject of the article is a discussion of faith in the poem "Vladimir". Kheraskov through the mouths of several characters clarifies certain aspects of the Christian moral, defends the benefits of Christian law, gives and refutes the arguments of opponents of Christianity. The episode of the choice of faith, partly repeating the corresponding fragment of "The Tale of Past Years", but with Kheraskov's additions, as well as the debate of the hero-pagan Rogdai and the Christian Stenar are singled out in the poem. The discussion of faith in the poem is partly conditioned by the influence of historical sources and responds to the author's task: to substantiate the necessity of the christening of Vladimir and then Rus.

Key words and phrases: M. M. Kheraskov; "Vladimir"; christening of Rus; discussion of faith; Christians; pagans; epic poem.